

18+
Дениэлс Вайн

Голубем по реке

Дэниэлс Вайн

Голубем по реке

<https://litres.ru/74375164>

ISBN 9785007106382

Аннотация

«Голубем по реке» — пронзительный и многослойный роман-исповедь о поиске себя, одиночестве и тихом отчаянии, которое становится неотъемлемой частью существования. В центре повествования — молодой человек по имени Феликс, чья жизнь распадается на фрагменты: разрыв с семьёй, работа в чужом городе и попытка обрести хоть какой-то смысл в мире, где все связи кажутся хрупкими.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

III	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Голубем по реке

Дэниэлс Вайн

© Дэниэлс Вайн, 2026

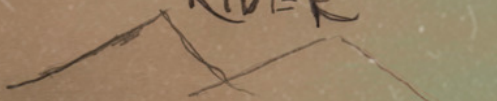
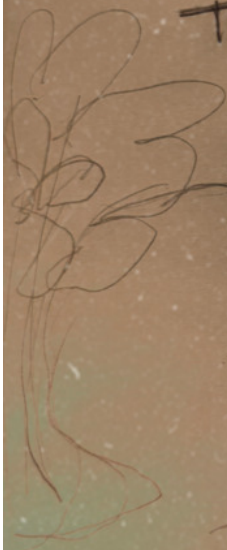
ISBN 978-5-0071-0638-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

THE LITTLE PIGEON

THE ON
RIVER

I. То, что осталось.

После пожара всегда наводит на тоску. После него не руины, а чистая площадка для свободы размышлений, после него люди, которым еще предстоит дальше жить, после него Жизнь, которой предстоит вновь появиться. Но об этом никогда не скажут и будут излишне драматизировать, если не забьют вовсе.

Наверное, нет ничего хуже того, что ты держишь внутри себя, ту неконтролируемую бурю, что сметает всё на своём пути, тот пожар, что сжигает каждую травинку и колосок души, то цунами, что смывает всё воздвигнутое человеческим упорством. Оно поражает настолько сильно, что ты не в состоянии справиться с тем, что происходит вокруг, не говоря уже о том, чтобы остановиться внутри. В заложниках у очаровательной красавицы. Пленённый самым мощным чудом на Земле. Такое долгожданное чувство, когда все это прекращается, когда ты в праве остановить всё это, только потому что ты далек от желаний. И нет, это невозможно... Весна несёт обострение пубертата, а кому-то лишь пинок под зад. Так и случилось той весной, весной, которую я никогда не забуду, весна, в которую невозможно поверить, да и не хочется верить, ибо всё это настолько реально, что хочется отвергнуть всё это. Понимаешь, да? Отвергнуть! Словом, будь я проклят, если еще раз растворюсь в том, что заварил на свою белую задницу. Ведь знал же всё с самого начала,

ведь знал, всегда знал. Однако ж не предвидел, что случится это так внезапно, так скоро, что станет моей бесконечной болью, пульсирующей вместе с безмятежными стуками сердца. Думал всё обойдётся самым простым образом, каким обычно проходят мои скверные и ненастные дни. Ей-богу, хоть в монастырь идти, на блядки идти, да куда-угодно, лишь бы всё устаканилось. Нет у меня за пазухой уверенности ни в завтрашнем дне, ни в сегодняшнем. Как будто, кто-то ехидный вырезал всё нутро, вытряхнул его и прёт куда-нибудь на Восток, (а может, лучше на Север?) или на Юг. И там, и сям, и где-угодно всё было бы прекрасно. Смею лишь сказать, что я проворонил вообще всё, потому что был пай-бо-ем, потому-что всегда для меня будут превыше чужие границы, нежели размытые свои. Вот так вот, старина, я совсем позабыл о том, что я тоже человек, но опустим этот вздор, как опускают раков или лобстеров в кастрюлю с нагревающейся водой. Ни к чему не приведут эти тёрки на месте, которые так любят люди, ибо боятся. Понимаешь? Снова бояться, как и я. А ты не будь боязливым, будь уверенным и осторожным. Не будем топтаться, в общем.

Эта весна началась, на удивление, столь спокойно, сколь ощущается рассвет, который ты встречаешь после ночного дождя. Я бы сказал, щекотно началась. Во мне не было ничего, что именуется грустью. Так непринуждённо у меня всё было, — и как же было! — что я лишний раз бросал монету

нуждающемуся бедняку, вернувшемуся оттуда, откуда едва ли возвращаются... Да, я был богат душой, моральная планка была такой устойчивой, что казалось выдержит вес целого космоса. Но ближе к делу.

Я покинул стены родного дома, виды родного города, чтобы уехать в совершенно неизвестный, совершенно другой. Там не было намазано мёдом, но было нечто интригующее, что-то завораживающее. Но я туда отправился, как бы, потому что тянуло. Потому что надо было туда. Быть свидетелем группового занятия в реабилитационном центре. Кто бы мог подумать, что меня — человека смышленного — отправят туда, где мозги разложились на составляющие части, никак не связанные между собой. Такова практика, с которой я не мог бороться. И буду честен, мне всё это по душе, я прекрасно понимаю, что и как там происходит. Как всё завораживается в огромный клубок, который нельзя распутать простым движением руки. Саня Г; Слава Б; Женя Б; Витя; Дима; Настя. Все они несчастные люди, которые выжили. А потому, я бы сказал, обязательно нуждаются в Заботе и помощи. Как такое возможно? Конечно, врать не буду, всё это претило, однако ж долг есть долг. Лучше сказать обязанность. Тогда всё встанет на свои места.

У каждого из них есть своя отдельная история, размытая бесславным периодом, который мог бы привести и к худшему. Но они живы и на том спасибо. Если бы всю заваруху можно было бы избежать, они вряд ли бы согласились, но

об этом несомненной позже. Пока что я предельно просто объясню то, что меня туда отправило. Собственный интерес. Разве можно упускать такие возможности, которые Жизнь преподносит на блюдечке и, подобно официанту пятизвёздочного ресторана, ставит перед тобой без всякого там напыщенного пафоса. Будем честны, он обжигает хлеще, чем вода температуры кипения. А последствиях говорить излишне тупо, а в некотором роде, даже постыдно. Короче, я клоню к тому, что всё это, бесспорно, на меня вылилось по моей же воли.

Мой поезд отходит ровно в пять минут четвёртого, в субботу. Пока что у меня есть несколько дней в резерве, чтобы подготовиться, хотя что мне собирать? Чемодан? Не имею. Только сумка, сшитая мною же из старых джинс. В стиле хиппи-хаус. Там конспекты, учебник итальянского и ручка с карандашом. А большего и не надо. Паспорт в красивой обложке с лилиями. А дальше остается выбор между энергетиком и растворимым кофе. Отец, из чьего дома я так бесшумно ухожу, даже не подозревает об этой поездке, но это и к лучшему. Конечно же, я его ценю, но консерватизм берёт своё: вирусом залезает в голову.

О днях писать особо нет смысла. Они то безумно волнительны, то бессмысленно тоскливы. Слепящее глаза солнце компенсируется огромной пеленой облаков, температура воздуха разбавляется нехилым ветром. О людях вокруг меня тоже говорить не приходится, ибо всё-таки все точки над

і давно поставлены. Куча приятелей, знакомых, но друзей, как таковых, не имею. Оно и к лучшему. Не надо ожидать поддержки или осуждений, коли на этом только и строится дружба. К тому же, если прикидывать, то всё не так скудно, как может показаться, но об этом тоже достаточно позже.

Аппетита за некоторым исключением почти не имею. Весна же. У кого пубертат, а у кого несварение. Если и приходится кушать, то только что-то лёгкое, типа, бульон. И лучше его в разы больше потреблять. Не хочется говорить о пустяках. Или не приходится.

Всё, что я знаю о другом городе, так это то, что он находится в шестистах километрах от моего. Но, судя по выдержкам, он более чем уютный. Маленькие города всегда чем-то примечательны и так хороши, что обволакивают тебя достаточно невзрачно, даже скорее, слегка касаются, чтобы не спугнуть. Но это если смотреть только внешне, что зачастую ошибочно, ведь город живет внутри тебя, пропитывает своей частотой, своим грациозным видом, проще говоря, ты становишься его паразитом. Ничем я уже и не живу, ничего не ставлю перед собой. Но не потому что хочу, а потом что не могу. Как-то так устроен Я, я, который не претендует ни на что.

Вы можете меня упрекнуть, толкнуть в плечо, нагрубить и это ваша правда, впрочем, такая же унылая, как и моя, в которой я вас не трогаю.

Погулял с собакой — померанский шпиц — сегодня по парку, в котором расположена игровая база спортивного клуба. Встретил своих некоторых знакомых за таким же занятием, перекинулись словами и разбрелись кто куда. Этот маленький пушок невнятно погавкал, пропищал на огромных псов и спрятался за моей худой ногой, словно я его буду защищать. Выбора у меня действительно не много, потому приходится брать эту грязную милую мохнатку к себе на руки, чтобы тому не отгрызли крохотную башку. Деревья удивительно умиротворяюще смотрятся, речка, где обосновались бобры, также течёт, но может и по-особенному. В конечном итоге, это не так важно, я же уезжаю, хоть и ненадолго. Зажглись фонари, осветившие мне путь до дома. «Мотель! Надо забронировать мотель!» — Вспоминаю я и начинаю надеяться на удачу и всё самое лучшее, даже высказываю некую

жалобу Богу, мол, почему у меня короткая память? Либо отсутствуют мозги? Дрянь, безусловно, но хотя бы образумиться успел вовремя. Потому возвращались мы с Вилли, собакой, в попыхах, перебегая на красный свет. Не могу привести пример скорости, с которой мы бежали, но суть, замочная скважина, в которую не с первого раза был вставлен ключ, уже подавала звук. Словом, за минут пять, если не меньше, мы поднялись на этаж, где слева в углу расположена родная квартира. В ней очень уютно, потому что тихо и всегда выключен свет (не могу работать при свете, чуждо

всё это. А ночью не так страшно). На скорую руку помыв лапы мохнатого друга, я бреду до кровати и ничком падаю на кровать, а после, незамысловатыми движениями тела я переворачиваюсь на спину и уже смыкаю глаза. Грядущий сон, конечно же, не ожидается. Скорее просто мечтаю о том, о чём и обо всём. Мечтать это так здорово, но жить в реальности доставляет куда больший интерес. Всё-таки только в мыслях своих я тот, кем хочу быть. И это прекрасно. Лениость одолевает меня с каждой секундой и мне трудно подняться. Восхитительный миг хорошо сработавшей и продуктивной простакриналии. Но долго забавляться не приходится: Надо собрать некоторые вещи, пусть даже самые пустяковые, которые только имеются. Вы носите талисманы? А у меня есть. Но о них говорить, пожалуй, слишком фривольно, если не пагубно. Тогда теряется всякая загадочность в них и они становятся обычной, беспонтовой вещью, коя покается среди всего прочего хлама на полках, в шкафу, в ящике...

Или всё же стоит отложить все сборы на завтра? Ведь завтра не просто день, а такой же, как и всегда. Простой день хотя бы обязывает какую-нибудь задорность, а одинаковый день не даёт ровным счётом ничего. Сомнительно всё это, но чертовски заманчиво.

Сегодня был короткий, но могучий дождь. Я сидел в автобусе, прижавшись к окну, и слушал музыку. Капли соревновались друг с другой в посмертной гонке, которая меня

так увлекла, что я совсем упустил момент своей остановки. Я нарисовал дурацкий смайлик, правда, он смылся спустя некоторое время. И кто бы мог подумать? И не говори мне, что его улыбка зависела от него одного. Её нагло стёрли. О чём это я? Серый, а местами даже мрачный тёмный, небосвод давил и не оставлял выбора. Автобус встал в пробку, но меня это не волновало, я как-то тупо втыкал в окно. Люди, сидевшие вокруг меня, казались весьма опасными, но только в том смысле, что предупреждали своим настроением, мол, не лезь. А так, конечно же, никакого интереса они не представляли.

Ровно в шесть часов — сорок минут я провёл в сидячем положении — я наконец-то доехал до остановки, которая была следующая после моей и принялся неспешно возвращаться. День сегодня, на самом деле, если не прискорбный, то хотя бы удручающий. Всё чрезвычайно мерзкое и противное.

Остаётся всего один день до командировки, а я не знаю, чем его занять. Такой вот он, «лишний». Что же вам рассказать? Подумаю на досуге, гарантий не ждите.

Вновь вспомнил про ночлег, о котором забыл вчера, потому резко и немного с яростью, ведь я чуть-чуть ещё молодой, глянул все возможные варианты, среди которых меня впечатлили два. Они расположены в самом центре Маленького Города. Только один на главной улице, а другой, как бы перпендикулярен первому. Короче говоря, всё решает стои-

мость.

Возникли небольшие проблемы, которые я быстренько уладил. Да и куда без них-то? Было бы хуже, если бы их не было. Тогда ты их не ожидаешь вовсе, а приходят они с такой силой, что, наверное, хотелось бы просто закрыться в ванне и есть калачиком в одежде под холодный душ.

Дома не так уютно, хотя меня встречает мохнатый Вилли, который жаждет, чтобы ему погладили пузо. Отец снова ударился в политику, а потому даже не снимает наушники, всё время слушает что-то. Повестку дня. А сейчас я просто лежу в уличной одежде на воздушном пледе, ко мне прибежал Вилли и улёгся рядом. Круто, но радости не прибавилось. У меня вообще не лежит душа к собакам.

Позвонила младшая сестра, с которой я вижусь не так часто, как до этого. Спросила всякие банальности. Алиса очень хочет, чтобы я её проводил на поезд, в субботу. Благо уезжает она в два часа дня и я ещё успею с ней свидеться. Да только некомфортно мне выходить в этот людской мир, кишачий унижением и надменностью. Бороться с ним нет возможности, но смириться с ним нет желания. Вот и вся борьба, мы слишком никчёмны, чтобы просто сказать своё мнение. А без мнения, как правило, ты жить не можешь, вот и выходит, палка о двух концах. Теперь на сегодня всё, точно всё.

Утро было тихим, ноль звуков, ноль эмоций, ноль сил. Да и Бог с ним, если бы это было бы столько важно, то, навер-

ное, я был бы в ударе, как полагает отец. Лишние мысли мне не приходят и разум не сворачивается чёрной калякой, пере-чёркнутой по несколько раз. Наоборот, всё слишком свежо так, что даже не хочется тяготеть и забиваться в своём ничтожестве. Если ты ничтожество, то и проблемы у тебя ничтожные. На завтрак творожный сырок в карамельной глазури, йогурт и мюсли.

Богемная перспектива дня сменилась жёстким и даже хлёстким ударом кнута о спину. Боль адская и нетерпимая. Снова болит левый бок, который беспокоит меня уже два года, а может и чуть больше. Еще с тех незапамятных времён, когда... (А впрочем, об этом тоже позже, ибо не смею я так быстро рассказывать все эти повороты, которые, пожалуй, смогли что-то изменить, что-то сделать и, в конечном итоге, исправить. Наверное, только такое и должно было случиться, надеюсь только это и будет тем импульсом вселенной, в который я поверю и буду верен ему до конца моих нестерпимых болей, ведь так они проходят с гораздо меньшим ощущением. Я снова парю высоко над полями.)

Небольшая прогулка по парку расслабила меня и позволила оттянуться, как бы, отвлечься от скопившейся чернухи. Люди с собаками меня напрягают меньше всего, ведь им-то уже всё равно. Именно поэтому я ненавижу собак. Мне всё равно. Но, конечно, я переборщил с заявлением и, быть может, я их вовсе не ненавижу, но я не буду скрывать тот факт,

что они мне нравятся в меньшей степени. С Вилли сегодня гуляет отец, сегодня у меня последний домашний урок итальянского и завтра я уже уезжаю. Не хотелось бы его пропускать, поэтому стоит закончить свой променад скорейшим образом. Какая досада, ибо я только свыкся.

Ловля мяча, фас, апорт. Сидеть, лежать, лапу. Другую. Молодец. Вот и вся система точно отработанных рефлексов, а человек само собой недалеко ушёл, может, только более сложный путь до «Молодец».

Поймал себя на мысли, что совершенно не разговариваю с отцом, он обо мне не знает ничего и хочет сделать из меня неудавшегося себя. Жаль, что у него ничего не получится. Много чего жаль в этом отвратительном деле — воспитании. Чуть-чуть, которые подростки — жестяные банки, об которые либо порежешься, либо достанешь лакомое. Ставлю пятак, что вы просто неправильно их открываете. А если откроете раньше времени, то содержимое непременно стухнет.

Любезный отец принёс мне конфету с фундуком в знак какого-то примирения. А я не хочу сладкого, я наелся и хочу просто отдохнуть.

— Не выёбывайся. — сказал он, сморщившись, — Не люблю, когда выёбываются.

— Я просто не хочу. — ответил я немного, насупив брови. Но всё-таки взял шоколадное удовольствие.

За мою недолгую жизнь у меня есть только один кружок

вместе с отцом. Там он прямо и честно заявляет: «Ты лох». Впрочем, я могу с ним согласиться, потому как мне лично всё равно. Может, я и лох, а может, и нет, какая, собственно, разница? Если уж это и есть что-то заботливое, то почему бы ему и не быть сказанным? А если это шутка, то почему бы и не посмеяться? Ведь в конце концов это просто слово, в которое мы вкладываем свой смысл. Короче, очередная брехня пойдёт сюда. Почему бы и нет?

Последний раз я пишу сюда что-то перед своим отъездом, поэтому очень волнуюсь. Если когда-нибудь дойду до того, чтобы смотреть за пунктуацией, то, вероятно, буду наголову поехавшим. Кто же будет так придераться, если всё помёт. А если не поймёт, то пусть просто закроет ебало. Грязно и вкусно.

С каждой секундой убеждаюсь, что всё не так плохо, как могло бы казаться. Маленький Город меня привлекает, притягивает. Думаю, там я смогу по-своему понять Сейчас. Два слова об отеле. Капсульный отель. Получается не наврал. Да, я решил, что лучшим местом будет что-то крохотное, недорогое и не грандиозное. Зато в центре Маленького Города, а оттуда можно добраться куда угодно на общественном транспорте. Тем более, так посудить, я же задержусь там исключительно на выходные, которые не тянутся так долго, как хотелось бы.

Мелкую сестру проводил и она не без слёз отправилась в

детский лагерь. Она так смотрела в окошко, приложив свою маленькую ручку, что невольно стало тоскливо, что е приходится уезжать (Насколько? Я даже не знаю). Напоследок я отдал ей шапку и пару купюр. В детстве я не очень-то любил лагеря, принимая их за каторгу и избавление. Дойдя до своих лет, я в этом только убедился: Иерархия, подчинённые, слуги, приближённые. То есть всё, как полагается в зазубренных на деньги монополиях. Одно неверное движение и вот ты ни с чем. Ей предстоит ужасно многое, но я вмешиваться не буду, зачем же мне рассказывать байки о своём, когда у них совершенно другое? Лишь бы что-то сказать, ну нет, так не покатит я лучше сам с собой буду, как полоумный шизофреник, чем всё это перекладывать на других.

Говоря о будущем, кичиться не приходится. У меня его нет. Я не знаю, что я могу сделать, что надо говорить, куда надо идти, чтобы то-то и то-то. Вот бы хоть немного понимать эту бюрократию, раздавившую нас, как жалких букашек на своём слепом пути. Доминирование, унижение, подчинение. Вот три константы нашего времени, а дальше сиди и принимай всё это. И неважно кто ты, оно тебя раздавит. Что-то слишком много не связанного, но это лишь хорошо. Теперь стоит закрыть телефон и смиренно посидеть полчаса в томительном ожидании, после которого можно будет продолжать разводить и без того странные монологи, лишённые всякого удовольствия. По-хорошему бы их вообще не начинать, в них нет ни прока, ни чего-то стоящего. Настолько ма-

ленький человек не сможет орать на большую публику. Вы часто слушаете муравьёв? То-то дело кузнечик, но он артист, если не прыгун. А светлячок? Яркая личность. Ну, а тараканов мы травим, либо давим, вот давайте и не будем отходить в этот раз от нашей коварной сущности, в которой мы все так круто сварились. Кстати, вчерашний урок итальянского не прошёл даром. *Io voglio tornare a casa!* Только дома я не чувствую себя дома. Вообще, приятель по старшей школе как-то сказал, во всяком случае, от него я это впервые услышал: «Дом — это там, где можно сесть, а тем более лечь». Не буду расхлёбывать это, но по моим наблюдениям, если не по реальным действиям, лечь я могу и на тротуаре, а значит здесь и будет мой дом. А в Маленьком Городе я тоже обрету дом, если сяду или лягу? Мне кажется, дом — это там, где ты чувствуешь себя. А дальше уже всё равно что это, главное, окунись в самого себя. Какое-то огромное и бессмысленное получилось... Писанина, в общем, глупая и такое ощущение, что я тупее пробки, (не спорю, могу лишь поправить, что это даже оскорбительно для пробки) но ведь я просто несчастный и нишевый, что же я буду еще делать? Нам бы лишь попиздеть лишний раз, нежели совершить что-то решительное и необходимое, ведь в слово мы закладываем смысл, а в действие свои силы. Всё, связь...

Итак, вот я сел в поезд, который отвезёт меня в Маленький Город. На контроле меня не хотели пропускать из-за то-

го, что я не похож на себя. Подумать только! За четыре года два человека борется внутри одного.

— Это точно Вы? — обращается ко мне дамочка на вид... Или неприлично говорить об этом? Я не знаю. — Вы совершенно не похожи.

— Нууу, — говорю я, глупо улыбаясь, — Прямо вообще не похож? Паспорт-то вроде бы мой. Вот, — показываю на внутренний карман твидового коричневого пиджака, — из этого кармана достал.

— Хорошо, проходите. — и она возвращает мне моё удостоверение. — Десятое место, сверху, без постельного белья. Я киваю.

Моя койка сверху, а это значит, что я не чаю, что надо делать. Снять ботинки? Куда их деть? Можно ли опереться на нижнюю койку? Наверное, нельзя. Со мной едут два деда, причём оба лысые, и одна бабка, а я страшно переживаю, ведь настолько беспомощен тут, в месте, где всем на меня наплевать и растереть. А сумка? Куда её пихнуть? Поэтому я кое-как, с горем пополам, закидываю всё наверх и взбираюсь туда, не касаясь нижней койки деда. Вот так и началась моя стрёмная поездка в никуда, незнамо зачем, неизвестно с кем. Кстати, ужасно мало места, словно тут камера, а не удобная койка, за которые отдают по две-три тысячи.

Я одеваю наушники и включаю первую попавшуюся песню, но чуть погодя, понимаю, что хочу просто что-то грустное, может даже рваное. Потому настраиваю «Мою волну» и

отворачиваюсь в стенку. Мои попутчики молча сидят снизу, кто-то читает газету, кто-то просто сидит, опустив мясистые руки на бёдра. Никто никуда не торопится. Однако всю тишину нарушает один из двух дедов, что взял пакет с вещами и отправился в конец вагона. Также сделал и еще один дедок, но пошёл в другой конец. Бабка же сидела неподвижно, словно статуя. У меня ничего такого не было, так что не стоит себя накручивать и париться по такому случаю. Спустя минут десять они все вернулись и также уселись внизу. Мне стало даже как-то неуютно, ибо все они молчат и все внизу, все кроме меня.

Мы тронулись и с тяжёлыми звуками поезд начал медленно катиться. Все люди тараканами полезли в телефоны, дабы отписаться или позвонить. Мне же даже такое удовольствие показалось весьма сомнительным. Кстати, проблему с размещением я тоже кое-как решил и весьма успешно. Сумку я подложил под ноги, чтобы создать отток крови и быстрее восстанавливать свои силы. Дождевик, который я взял на всякий случай, вместе с пиджаком стали моим гнездом. Расстелить что-то я решительно отказался в силу того, что ехать мне всего лишь пять-шесть часов, а спать я не планирую. К тому же, в этом нет какой-то необходимости, ведь лежу я тут в уличных вещах, которые уже точно нельзя назвать чистыми. В общем, под грозный звук движущихся колёс я откинулся на койке ровно до тех пор, пока меня не потрогал контролёр, желающий убедиться в документах. Я смотрел на

неё сверху вниз, на её кепку и прилежно завязанный хвостик. Она прищурилась, но вскоре улыбнулась и вернула паспорт. С другими же она быстро расправилась и двинулась дальше по вагону. Теперь я точно спокоен в своих начинаниях, мне предстоит короткая и, надеюсь, скучная дорога, в которой я немного, но таки покопаюсь в себе, чтобы понять и увидеть себя самого.

II. Дикое племя или Встреча.

Жизнь. Какое всё таки интересное слово. Бывает ли их много или она одна, это, если совсем не задумываться, очень философский вопрос. Здесь, на Загородском бульваре, она едина и перед ней преклоняются все обитатели дома.

После завтрака некоторые разбрелись в свои каморки и комнаты. В пострабе самое тяжкое время — после еды и до самого вечера, когда можно будет не задумываясь, лечь в кровать и закрыть глаза. Две девушки, Женя Б. и Настя, скрылись в своей комнате, где стояла их двухэтажная кровать, а вещи, которые привезли им родственники, разбросаны вокруг. Создавалось впечатление полного хаоса, а если точнее, бомжатника. На кухне продолжали трапезничать Сания Г. и Слава Б., переодевшийся в красно-чёрную футболку Князя. Горький кофе и дым электронки. Кроме как старых баянов и анекдотов, есть в их арсенале обсуждений ещё и бывшая зависимость, ведь каждый проживает её по-своему и каждый убеждён, что уж в этом-то вопросе он исключительный. Вот например, Слава. Всё началось из-за стереотипов о

его Родном Городе? Или же потому что так было интереснее жить? Это останется такой же тайной, ибо ожидать правды и чести не приходится. А прочие ушли наверх, на второй этаж.

Нельзя не сказать и о том, что сам по себе домик расположен недалеко от центра, однако в деревне. Вокруг невысокие здания, обставленные разных форм и цветов заборами, ярко-зелёная листва, а также асфальт, который прерывается бездорожьем, то есть обычным песком с мелкими камнями. Однако, было бы вопиющим кощунством не рассказать и дальше о живописности этого Богом забытого места. Эту часть города от другой отделяет река, через которую величается старый мост. Но самое вайбовое место — у правого берега, где нет ни людей, ни рыбаков. Только короткая трава и цветы, в основном, одуванчики. На другом берегу расположен яхт-клуб, где всякие мажоры катают обычных смертных на катерах и яхтах, там же, неподалеку, люди стартуют на сапах и плывут по течению в устье реки. Дальше же старая деревянная церковь, вероятно, сохранившая самый вкус традиций. В некоторых местах хлипкого забора отсутствует доска, а где-то несколько. Ну, собственно, посёлок городско-го типа.

Домишка племени сам по себе не примечательный, хоть и выглядит, как вилла. Но, во всяком, случае в сравнении с остальными, он, безусловно, заслуживает внимание. Напротив него стоит маркет с низкими ценами, вернее, ценами,

установленными регионом. А чуть дальше, алкомаркет — неплохое испытание для обитальцев.

Почему же, спросите вы, это «дикое племя», если так всё спокойно идёт? Всё, к сожалению, достаточно просто. Они были год оторваны от реальности. И если раньше они жили в реальном мире зависимости, то сейчас окунулись через наполненную пустотой иллюзию. Может, это и не так плохо, скажите вы, но постойте, разве человек, радующийся удлинителю, действительно ощущает себя в достатке? (О да, несомненно, они радовались ему, они призывали его всеми возможными силами: возводили руки к небесам, ритмично топали правой ногой, а затем левой и кричали: «Боже, дай нам удлинитель!», а Боже — Химик — их услышал и даровал им желанное.) Так и обстоят дела в постнаркоманском доме.

— Ты чё загрузился? — прервал тишину Саня Г..

— Да никак не пойму, где же она, обещанная радость.

Саня Г. насупился.

— Потому что кино нам врало.

— В смысле? — потерянно, как бы, очутившись в другом мире, спросил Слава Б..

— Ну, показывали, этъ и всё, здравствуй Новая Жизнь, тёлочки, солнышко, музычка. А на деле, просто сидишь тут, — и он развёл руки, почти что по-барски показывая хоромы, — с плавленными мозгами.

Слава Б. улыбнулся, впрочем, они всегда улыбались, будь то шутка, метафора или какая-нибудь прочая ахинея.

— Жизнеутверждающе.

— Ага. Только так и умею.

И оба заржали во всё горло, совершенно позабыв о других постояльцах этой лачуги.

Ровно год. Раньше такая цифра, вероятно, ознаменовала бы крах, полное разочарование и опустошение. Раньше месяц казался длиннее. Но всё ли так гладко? Нет, никогда не бывает. Всё же человек создан ради борьбы, ради слепой борьбы и не важно с чем. Само по себе состояние борьбы даёт ему право существовать. Женья Б.

Мать двоих детей, старшего сына и младшей дочери. Конечно же, такой год для неё априори не мог быть гладким. Особенно с учётом её взрывного характера, такого хлёсткого, как шпигрутен. Да, она-то действительно имела несколько вариантов на каждую ситуацию. Человек, окончивший образование следователя, всегда видит всё по-другому, уж что-то, а это так просто не просрёшь, ведь всё-таки это среда естественного отбора. Но всё бы ничего, однако записку, которую передал один из отбывших во время реабилитации, попала в чёрствые руки бюрократии.

«Конечно расскажу,, Настя не переживай,, я знаю одно теперь она там в почёте и всё у неё супер шикарно,

Во первых она уверена что не 3 месяца, а месяц всего там — это психологически очень даёт уверенности и сил, во вторых она подготовиться по максимуму в выходе всё обдума-

ет и в третьих за то что она не ушла там это ценится консультантами и руководством, так что остаток срока она проведёт в уважухе,, главное уже как есть значит к лучшему так, она поняла что её любят и ждут и сегодня она получила всплеск всех эмоций — пусть проживает эти чувства...»

Вообще, нельзя сказать, что у неё все было шершаво, но вся гладкость, выработанная за восемь месяцев, явно сбилась. Но теперь-то она на свободе! Вот она тут, вот она здесь и может спокойно делать всё, что заблагорассудится. Не так ли...?

— Да ёб вашу ж мать!

Грохот чего-то тяжёлого. Слава Б. и Саня Г. не дёрнулись, а просто лениво посмотрели в сторону дверного проёма, в который со всей яростью направлялась Женя Б.

— Опять психует. — подметил Саня Г..

— Из-за чего?

— Тааа... наверное, рубашку потеряла среди всего хлама.
— и как только он договорил, перед ними встала она.

— Вы заебали трогать мои вещи! Где моя куртка?

— Никто. — ответил за всех Саня Г..

— Она провоняла сигаретами, я повесила её проветриваться, смотрю — её нет.

— А эта в коридоре — Слава Б. показал в сторону Жени Б., но, вероятно, хотел, чтобы та повернулась а не глазами

хищника смотрела на двух обычных парней. — случаем не она?

— Она. — совершенно спокойно подтвердила Женя Б.

Три секунды продлилась гробовая тишина, которую нарушила вышедшая на крики и маты Настя.

— Поздравляю, — кстати, весьма цинично сказала она, — минус еще один диагноз.

И все взорвались от смеха, которым буквально пронзило дом. Было такое ощущение, что выступал комик на мероприятии, посвящённом наркозависимым, который весьма удачно связал свою шутку на игре слов.

— Идите нахуй! — с широченной лыбой и через смех подытожила Женя Б..

Настя протиснулась под её левой рукой и села напротив Сани Г., но быстро смекнув, что пришла за кофе, она переместилась к плите, на которой уже стояла использованная турка.

Так тут и было заведено, что могли погрызться из-за всякой хуйни, а через мгновение ржать и гоготать. Никто кроме них не понимал, как это сложно, прожить вчерашнее и проснуться трезвым (а где настоящее?).

Ближе к обеду, в три часа дня ровно, приезжал куратор. Химик был с идеально лысым черепом, в очках, аккуратно ухоженной бородой, с хорошо накачанными руками, но хлипкими ножками, которые больше походили на две палки,

среднего возраста и спокойным мужчиной. Он был весьма чопорным, хотя это называется пунктуальным. Ни минуту позже, ни минуту раньше. В белом халате с двумя карманами, где в одном болтается шариковая ручка, а в другом блокнот. Его не любили, но уважали.

Он, с широко расправленными плечам, вошёл на кухню, где и застал небольшую сцену. Посмотрел на свои наручные часы.

— Минута. Вы готовы?

Все переглянулись друг на друга и, быстро сообразив, — хотя это еще, конечно, смотря для кого — принялись двигать стол и расставлять стулья. Для них это было испытанием, для Химика рядовой процедурой, которую он обязан делать, но которую не особо-то и хочется делать. Занятие началось.

...

Спустя час Химик кинул беглый взгляд на часы и понял, что пора заканчивать. Никто не знал, как он умудряется заканчивать всё настолько ровно, ведь посудите сами, разговоры очень редко заканчиваются ровно, а разговоры про своё состояние, в принципе, можно вести до тех пор, пока не отсохнет язык. Прервать на полпути, всё равно, что не начать. Но факт остаётся фактом, он очень быстро чиркнул что-то в своём блокноте, пожалуй, это вряд ли кто разберёт, кроме него самого, и завершил сеанс групповой терапии. Быстро, почти что подпрыгивая, он встал и пошёл. Сел в машину и уехал. Дикое племя снова восторжествовало.

Спустя час, а скорее полтора, к этому же дому неторопливой походкой подошел юноша, лет двадцати, одетый в чёрный костюм. Он никуда не торопился и будь остальные прохожие в курсе, что это за дом, то, наверное, дёрнулись бы от него куда подальше, ибо быть такого не может, чтобы такой молодой парень числился в ряду этих ненужных людей. Конечно, он вызывал интерес, но дальше внутреннего интереса дело не захватывало. Единственное, что оставалось взаправду — реакция людей, которые, если не напрягались, то явно недоумевали, мол, не жарко ли этому идиоту в чёрном костюме ходить в такую жару. Но его это мало волновало, он был в наушниках и явно не обращал внимания на лица других прохожих. Потому он быстро стал неудобен окружающим и из объекта насмешек и любопытства превратился в чёрный силуэт. Короче, Бог знал, что он тут забыл.

И правда, он действительно направлялся туда. Отдернул решётку, в которую обычно въезжали машины, и протиснулся дальше. Входная дверь была нараспашку. Он прошёл дальше, вглубь, с трудом снял свои туфли, которые были явно на размер меньше его стопы и достал бумажные тапки, которые он сохранил, вероятно, еще давно. Первым кого он увидел был Витя. По лицу юношу можно было быстро понять, что он был не готов к такой встрече. Голос как-то понизился, глаза расширились, чувствовалось напряжение. И стоит отдать должное, его можно понять. Витя не выглядел аккуратным и сохранившимся, напротив, имел щель меж-

ду передними зубами, болен алопецией, не мог связать двух слов. Но был твёрдо уверен, что где-то там, когда-то там, мог закадрить любую «тёлку», что все от него были без ума и он лично выбирал себе, на ночь глядя, молоденькую или не очень «шлюшку».

— Здравствуйте. — напряжно протянул юноша.

Витя был равнодушен, конечно, равнодушен, ведь скольких неуверенных юношей он за свою Жизнь повидал.

— Здорова.

И он начал подниматься по лестнице с кружкой на второй этаж, звеня чайной ложкой.

Молодой человек двинулся дальше на цыпочках, стараясь не наткнуться на кого бы то ни было еще раз. Вторую встречу он точно не выдержит. И его можно понять, в его светском, культурном сознании, помнящим детские годы, словно вчера, такой человек представлялся безжизненным и бесформенным куском плоти, на который случайно, наугад, налепили рот, глаза, уши, волосы, кожу. Оно даже не говорило, оно мычало, как обычно истошно кричат узники, приговорённые к особо жестокой смертной казни, с кляпом во рту. Такое напугает любого, даже самого отбитого уроды, а тут всего лишь мальчуган. На кухне он застал еще троих, занимавшихся хозяйством и приёмом пищи. Их нисколько не удивило появление странного и незванного гостя, вероятно, они привыкли за те долгие годы зависимости к серым людям, которые уходили также быстро, как и приходили. Од-

нако, на удивление, Слава Б. радушно принял гостя, протянул свою длинную тонкую руку, которая немного дрожала и даже улыбнулся, чтобы точно установить первый контакт. Юноша, конечно, напрягся, но быстро отпустил свою неприязнь и о представился перед дикарями.

— Я Феликс и...

И пока он что-то там тихо объяснял и рассказывал все продолжили заниматься своими делами. Проще говоря, никто не обратил должного внимания. Только Слава Б. остался с ним на коротке и внимательно слушал, что он там рассказывает. Конечно, ему нет никакого дела, более того, надо спешить с уборкой, ведь по принятому в их коммуне расписанию он должен был мыть полы именно сегодня, но ему-то как раз и было больше всех интересно, такой у него был характер. И хоть нервная система, как и прочие системы организма, были напрочь измождены, он считал себя человеком рассуждающим, и, если не совсем предвзято, полностью оправдывал своё убеждение.

Феликс стоял, как вкопанный, каждый шаг был для него ударом кувалды. Однако он не боялся смотреть по сторонам, напротив, его зрачки бегали, он вечно что-то искал. «Они двигаются слишком медленно. Не так, как двигаются уставшие люди, а будто под водой. Ложка долго искала кружку. Кто-то пять секунд открывал сахарницу, а этот мужичок... Он же вообще не в этом мире находится» — думал Феликс.

— Кофе будешь? — резко спросил Слава Б., как бы, вспо-

миная азы этикета.

Феликс в ту же секунду кивнул и Слава Б. достаточно энергично насыпал в какую-то кружку растворимый кофе три в одном, залил кипятком из чайника и размешал чайной ложкой, которая, вероятно, использовалась с десятков лет. Без пафоса. Без знакомства, а просто потому, что увидел растерянного человека.

— С сахаром?

— Да.

— Две ложки?

— Три. — Юноша с трудом это выговаривает. Куда легче ему было бы отвечать односоставно, либо «да», либо «нет», а не вот это вот всё. но что-то, а вопрос сахара принципиальный. Правда, только для него самого.

Однако Слава Б, не растерявшись ни на секунду, кладёт две ложки сахара, при этом акцентируя внимание именно на «один, два». А «три» не прозвучало. Последовало только «готово». И вот он довольный своими навыками баристы ставит кружку на деревянный стол, за которым обычно все трапезничают, а чаще, обсуждают те или иные известия из Ребы. Чуть отодвинул стул назад, как бы приглашая к ним, в их среду, молодого человека. Тот не решительно, но всё-таки садится на выделенное ему место. Ступни сами ложатся друг на друга, а ноги подгибаются под сидушку, одна рука подпирает локоть, а другой он подносит тёплый кофе ко рту и со звуком отпивает нечаянно появившуюся пенку. «Но я ведь

просил три...» — жалуется про себя Феликс, ведь для него кофе получился довольно горьким, а значит противным, но отказываться он не станет. Две, так две.

Слава Б. вышел из кухни и повернул налево, было слышно, как открылась, а потом захлопнулась какая-то дверь и парню показалось вопиющим предательством, что этот мужичок, который, конечно выглядел весьма отталкивающе, но который его-то и расположил здесь, вышел без слов и оставил на произвол судьбы с каким-то, если честно, отвратительным кофе. Тут к нему-то и проявила, хоть и лениво, интерес Настя.

— Как тебя зовут?

Но она даже не смотрит в его сторону, а рассматривает что-то невидимое, что-то неуловимое, к чему-то прислушивается, как прислушиваются плохо слышащие, когда ведут диалог с кем-то по центральной улице города, где миллионы колёс не дают право на ошибку — признаться самому себе, что ты ничего не услышал.

— Феликс. — он отвернулся в сторону, но быстро смекнув, что забыл кое-что продолжил разговор. — А Вас как?

Ответа не было несколько секунд, эти секунды казались бесконечными для мальчика, они были смертельно долгими, такие обычно у тех, кто тонет,, но в самый последний миг, выныривая из-под толщи воды и хватая драгоценный воздух, девушка, сидевшая напротив него, наконец-то сказала.

— Настя.

Феликс облегчённо выдохнул. Разговор всё-таки состоялся, пусть даже из двух фраз, но состоялся. Естественно, это было только его предупреждение, пустое, сырое и никому не нужное. В глазах Насти он был всего лишь на секунду, если вообще был, а для него это было, наверное, целая минута. И тут, как бы, неожиданно вновь появляется Слава Б. со шваброй, у которой тряпка была настолько грязная, что скорее только усугубляла ситуацию, в руках.

— А ты сам, получается, откуда?

Феликс быстро, как по команде, поворачивается вполоборота, не теряя Настю из виду, и отвечает:

— Да я вот, на практику приехал.

— Психолог? — будто от балды уточняет Слава, но на деле, он прекрасно знал, что это так и, скорее всего, просто добивался своей правды самым быстрым из возможных способов. А может, забавы ради, ибо улыбка, растянувшаяся на его лице, знаменовала именно это, забаву ради забавы.

— Да.

И сразу полезли гримасы, которые в помутнённом сознании Феликса тот час стали расплываться и медленно стекать. В глазах у него потемнело и даже на мгновение показалось, что вот-вот и что-то случится, как вдруг всё резко остановилось. Он думал, что сейчас-то над ним посмеются как следует, проучат за такую наглость официозного представления, мол, таких, как он уже видели и не раз, и не раз ставили на место, но они просто достоинственно улыбнулись и продол-

жили заниматься своими делами.

— Ясно. И сколько ты тут будешь?

— Практика два месяца, но сегодня ночью я уеду.

— Опять психологи.. — прозвучал грозный и раздосадованный голос непонятно откуда. То был голос Сани Г., который только входил на кухню.

Феликса такая позиция немного раздосадовала, потому что он, как бы не умоляя свои заслуги, считал, что эта профессия, бесспорно, постижима немногим, а тем более таким людям, которые оказались здесь и уж тем более этому непонятному мужскому голосу. «Попробуй сдать эти экзамены и поступить, прежде чем пиздеть» — подумал Феликс и даже бросил презренный взгляд в дверной проём, в котором уже вырисовывалась фигура того голоса. Это был невысокий мужчина с мешками под глазами и щетиной, за которой он не ухаживал.

— О! Настюха, и ты тут тоже! — обрадовался он, словно не видел её тысячу лет. Они обнялись.

Слава Б. растирал грязь, а Настя дальше сидела в своём мире, пока вдруг не заорала:

— Жень! А это случаем не твой?

Конечно, (как же иначе?) что такой вопрос повергнет в шок юношу, молодого практиканта психолога, да такое любого повергнет в шок. И вот именно сейчас Феликс изъявил для себя самого самое настоящее желание провалиться

сквозь землю. Когда, как не сейчас, ему не взять и не испариться. Но за этим возгласом Насти ничего не последовало, ничего не тронулось и не шевельнулось. Даже шарканья не было слышно. Что более всего смутило юношу, так это то, что никто и не услышал эти слова. Он замер. Юноше хотелось думать, что в доме есть еще какая-то другая Женя. И только он хотел уже расслабиться, мол, обознались или просто никого не было, как бесшумно появилась она.

Его мозг не знал что делать, как реагировать, но ноги решили за него сами.

— Мама.. Мама! Мама! — кричал Феликс и, выбежав из-за стола, побежал к ней в расставленные руки. Он никого не замечал вокруг, для него пропал окружающий мир, вся его сложная композиция. В это же время Женя Б. ничего не делала, даже пальцем не шевельнула и просто покорно стояла, но когда Феликс втиснулся в её объятия, она крепко захватила его, чуть ли не душила и целовала в темя, не останавливаясь ни на секунду. Все остановились: Саня Г. замер на кухне, Слава Б. опёрся на швабру, а с лица Насти пропала улыбка, хотя это, конечно, еще вопрос, была ли у неё хоть какая-нибудь реакция. Ему было уже всё равно на окружающий мир. Ему не нужно было ничего. Для счастья ему достаточно было зацепиться за эту возможность и никогда не отпускать. Однако он не плакал, безусловно, эта встреча его тронула, но плакать он не мог никак. Во-первых, потому что рядом были какие-то люди, которых он никогда прежде не

знал, во-вторых, в его понимании было пошло пускать слезу на рабочем месте, где всё своё личное стоит засунуть в одно незамысловатое место.

Этим же вечером, ибо днём толково провести время Феликс со своей матерью не смогли из-за порядков, установленных в доме, они сидели на скамейке возле забора. Женя Б. курила тонкие сигареты, а Феликс, кстати чем-то явно раздраженный, мирно слушал рассказы матери.

— А вот эта вот Настя. — решил он уточнить, — Что с ней?

— Та у неё врождённая шизофрения, которая развивалась на фоне зависимости. — и затянувшись сигаретой, она резко вдруг переключила суть повествования, — Вот видишь, к чему это приводит?

Феликса такой расклад повествования не очень-то радовал. Он считал себя достаточно взрослым, чтобы уже не воспитываться матерью. Да и вообще, стоит ли это воспринимать серьёзно, если он и так всё прекрасно знал.

— Ну или вот Витя, ты видел Витю?

Феликс кивнул.

— Вот он с четырнадцати лет бухал, видишь, что с ним. Он не может связать двух слов, щель между зубами. Разве это круто?

— Нет. Мы, кстати, такое называем копилкой.

И Женя Б. взорвалась от смеха, что напугало собеседни-

ка. Он вспомнил, как всё было раньше, когда всё было хорошо, когда они вместе катались на велосипедах по парку, или когда они ехали в машине. Но он не помнил, чтобы мать настолько гоготала, как гогочут в приступе всякие отродья. Стало ли это действительно так, или она просто подстроилась под общий тон племени, а сама, конечно же, осуждает всё такое, просто на первых порах не может примириться с тем упущенным? Но Феликс не выдал ни единой той мысли, его лицо сделалось еще более каменным. Эта судьбоносная встреча, которую он так долго ждал и, к которой так долго стремился была немного обидной для него самого. Ведь знаете же, как оно устроено? Когда не виделся год с человеком, стараешься ему рассказать всё самое интересное, приятно удивить его, может даже порадовать, но когда основные темы иссякнут и говорить будет не о чем, то начнёшь всем своим видом показывать ту рутину, которая на час забылась, то есть, вернёшься к прежнему себе. Вдруг весь этот обрисованный пёстрыми словами мир становится снова безвкусным. Ты уже даже не знаешь, стоит ли рассказывать (а тем более родной матери) те убогие ситуации, которые с тобой приключились. В общем, он, Феликс. внимательно слушал и молчал, пока Женя Б. поясняла за свою жизнь. Как оказалась, вся эта зависимость не так уж и романтична. Люди теряет рассудок, люди теряют близких, люди становятся аморальными мудилами, которые, в лучшем случае, доживают до сегодняшних дней не так избито. Вот, что он увидел, а

теперь, со слов матери, еще и услышал.

Солнце уже щекотало крыши домов, но оно никуда не то-ропилось, как в Большом Городе, напротив, ему что ли было лень. Оно цеплялось за верхушки деревьев, за ржавые гаражные листы, за деревянный каркас старой церкви, за колючую проволоку полицейского поста. Феликс судорожно, как бы, чего-то опасаясь, глядел на часы в экране телефона. Половина одиннадцатого, а он всё еще здесь. Ему, возможно, и хотелось остаться подольше, но сам он как-то и не хотел в тоже время. Странное чувство.

— Мне пора, мам. — перебил её Феликс.

— Как? Куда? Ты не останешься с нами?

Он с пренебрежением повернулся и оглядел дом. Ему там точно не понравилось и возвратиться туда, означало бы для него провалом. Он мнил из себя взрослого парня (правда, где-то там, глубоко внутри, жил маленький мальчуган, желающий, чтобы ему уделили внимание, посмотрели на него, почитали его записи, которые он делал в дневнике. Он хотел бы познакомить себя и этот мир, коим для него были мама и папа. Но этого уже никогда не случится), а значит, уже автоматически не имел права принимать подобного рода условия.

— В капсульный отель. Помнишь, мы там с тобой были года два тому назад. Вот туда и пойду.

— А деньги у тебя есть?

«Ну конечно! Конечно, есть, мам. Что за глупый вопрос?

Как бы я приехал сюда иначе? Печально одно: вот ты снова деньгами интересуешься больше, чем надо. Вот, что печально, мама!» — думал про себя Феликс.

— Да. Пару бумажек найдётся. Не пропаду.

— Ты еще придёшь? — немного с обидой (так показалось Феликсу) спросила она.

— Да, завтра.

Они простились и мать снова поцеловала его в темя, а потом в щёку. Он не отпрянул, но и не был в восторге. Что-то внутри него трепетало. Сердце не разрывало, а резалось поживому. И то не глубоко, а лишь поверхностно, чтобы было мучительнее. Так он, очевидно, уже погиб бы. Он немного задержался в её объятиях. На прощание он сказал: «люблю тебя», но в своей голове продолжил: «даже такой, даже там, где ты оказалась, несмотря на все твои доводы и переживания, внезапные всплески эмоций и приступы агрессии». Она также не поскупилась на слова и, почти что, вдогонку крикнула:

— Люблю тебя, сыночка-корзиночка.

Феликс, конечно, улыбнулся, но улыбка это была не от радости, а от горя, утраты и тому прочему. Прежде всего, он не понимал самого себя, но как было принято у людей, на прощание всегда стоит улыбнуться. Даже если всё критично, улыбнись. Возможно, это последняя встреча, а, возможно, и нет. Если уж и не последняя, то почему бы не улыбнуться, чтобы радость прожила до следующей? Но в случае Феликса,

он знал, что это далеко не последняя встреча, а потому мог позволить себе немного погрузиться. Почему же? Да потому, что он не выносил таких вещей от слова совсем. Ему всегда тяжело расставаться с людьми, вернее, ставить запятые.

Свой путь он уже знал и спокойно ориентировался без карт, как будто всю свою короткую жизнь тут жил, никакой топографический кретинизм не мог ему помешать в том, чтобы дойти до ночлега. Как раз к тому моменту, когда он переходил первый мост, солнце окончательно спряталось за линию горизонта и стало достаточно темно. Всюду загорелись маленькие фонарики, которые вместе представляли очень грациозное зрелище. Был такой вайб, как бы так выразиться, полнейшего одиночества, беспросветного и бесконечно глубокого. Никого на улице не было, что немного удивило Феликса, ибо, так он жил в своём городе, к этому часу начинает проявляться обратная сторона города, полная свободолюбия и фривольности. Ему вдруг показалось, что совершенно справедливо то, что он тут и вновь блуждает в полном одиночестве. Но, конечно, одинок он не был, впрочем, это пока что не главное. Феликс убрал руки в карманы чёрных брюк и, опустив голову, о чём-то там думал. Потом спустя треть часа он наконец-то перешёл на второй мост, огромный и безумно красивый (оснащённый мерцающей разными цветами подсветкой), проходящий через одну из самых известных и важных рек. Любой другой, наверное бы, даже не

обратил внимания на это, однако Феликс был зачарован этим фактом. Да и, когда привыкаешь к чему-то, то всякий раз уже не так обращаешь внимание, не так удивляешься и поражаешься, хотя на самом деле, стоило бы восхищаться каждым раз. Вот и он привык к быту своего города, к его ритмам, а потому был полностью подхвачен течением Великой Реки. Если можно хоть каким-нибудь словом описать его состояние, то ближе всего будет сравнение с сигаретой после попойки. Ему это неизвестно было, но многие вокруг, то есть его окружение, знало о чём говорит.

Непосредственно в центре Маленького Города, в его самом сердце, продолжала, хоть и слабо, пульсировать жизнь. Но то были всякие «идиоты и гопники», как считал Феликс. И в чём-то он был даже прав, но никогда, никогда и никогда он не судил так строго исключительно по внешнему виду. В сущности, ему было всё равно, но чужие края... Ему неизвестны были обычаи и традиции, к тому же, на фоне их он был каким-то интеллигентом, весь такой в костюме. Ему оставалось сравнительно не долго идти, да и Маленький Город неспроста так называется. По сути, его можно обойти всего за несколько часов, а его сущность понять за несколько десятков минут. «Как тут всё похоже на мой город...» — заметил юноша. И был абсолютно прав.

На автобусной остановке якшались два подростка, явно не из самых благополучных семей. Торопиться показалось Феликсу неприличным, особенно после всего того, что он уви-

дел, потому он с особым интересом поглядывал в их сторону, как бы, провоцируя своим косым взглядом. Но мелким было всё равно, конкретно сейчас они боялись одного: как бы не проехала патрульная машина и не увезла бы их с собой. Так что особо сильно светиться они не хотели, да и не могли. Пустые разборки на ровном месте с каким-то чудачком в костюме? Можно отложить на завтра, в конце концов, тут тесно, чтобы никогда больше не увидеться.

Капсульный отель, в который направлялся Феликс, был в цокольном этаже новостройки (если так можно выразиться, ибо для него, Феликса, это здание было, в сущности, старым, а не новым, но в сравнении с другими зданиями, которые были построенные еще в прошлом веке, оно казалось, безусловно, невероятно современным), а тусклый свет вывески лишь подтверждал это. Молодому человеку не оставалось ничего другого, кроме как спуститься туда, по старой памяти он еще помнил, куда надо идти и как открывается дверь, он начал звонить в домофон. Первые пять секунд прошли в самом напряжённом ожидании, ибо никто не открывал. «Вот и всё» — начал загоняться Феликс — «Походу приплыли. Время-то уже позднее, а местные жители уже к этому часу дрыхнут». Он уже оставил надежду поспать в тепле и безопасности, как вдруг прозвучало противное пищание и дверь поддалась усилиям.

— Здравствуйте. — виновато сказал ходячий пиджак, ве-

роятнее всего, из-за того, что побеспокоил в ночь администратора отеля.

— Ну здравствуйте, здравствуйте. — слегка прищурившись, начала говорить женщина на вид лет сорока пяти и с бордовыми волосами, — Что-то Вы припозднились.

Феликса такой приём смутил, но не напугал, а всего лишь сбил с толку. Он едва переступил порог и, скинув сумку на сиденье, стоявшее рядом со шкафом, смирно стоял, держа осанку ровной, как по линейке.

— Есть такое. — равнодушно ответил он.

— Вы бронировали же?

— Нет, честно говоря, я первый раз сам куда-то уехал.

— Плохо. Очень плохо, боюсь, я даже не смогу выделить Вам койку. — говорила она, глядя в экран компьютера, а потом перевела взгляд на Феликса и спросила, — А вы сами-то откуда?

«Из ниоткуда. Нет у меня этого откуда-то. Я вообще сомневаюсь, что могу смело заявить где мой дом, потому что мне одинаково плохо и, стоя перед Вами прямо здесь и сейчас, я испытываю такое же чувство неловкости, кое испытываю при отце, когда нахожусь дома».

— Из Большого Города S.

— Ооооо!!! А я сразу это поняла! — широко улыбалась женщина, — Вот на Вас посмотрела и сразу поняла. Вы прям передаёте атмосферу этого города.

«Господи, не надо разводить пламенных речей, это ни к

чему. Вы ведь сами знаете, что сейчас мне не до этого и лучше бы помогли мне с вопросом капсулы, нежели почитали мой город». — разгневался про себя Феликс.

— Спасибо большое, это очень приятно слышать.

— Да я сама очень люблю Ваш город, у Вас там все добропорядочны. А вот в М. не такие, там никому нет дела до тебя, а если ты вдруг попросишь помощи, (мы же может на ты?) то тебя осудят за незнание и пнут, как голубя.

— Да, наверное это так. — согласился он, как бы пытаясь остановить этот монолог.

— Вот понимаешь, я приехал на вокзал, (как его там?) ну, ты понял, совершенно ничего не знаю, а ко мне сразу подошёл молодой человек, кстати, очень симпатичный, — тут она кокетливо рассмеялась, — и сам предложил помощь! Представляешь, сам!

«Это очень здорово, но неужели в такой поздний час Вы хотите рассказывать мне о своей жизни? Неужели Вам так важно рассказать, как сильно Вам нравится где-то, а не тут?»

И как только Феликс вновь задумался, стараясь не слушать нахальную женщину, она вдруг резко переменила тему. Кстати, юноша очень искусно притворялся и улыбался всякий раз, когда произносилось название его города. Всё время кивал, как игрушка с качающейся головой.

— Знаете, я думаю, мы найдём Вам место. Шестая койка снизу должна быть свободна.

— Супер.

— Давайте Ваш паспорт.

Феликс быстро вынул его из внутреннего кармана пиджака и сразу открыл на нужной странице, вернее, предполагал, что открыл на нужной странице и как ни в чём не бывало, словно проделывал это тысячу раз, передал документ в руки этой шабашной кокетки. Она, прищурившись, начала клацать по клавиатуре, всё время перебегала взглядом, то с паспорта, то на экран компьютера. В это время молодой человек почувствовал дискомфорт в ногах, вероятно, усталость брала своё, скинул сумку со стула и раскинулся на нём, положив руку в руку. Ему уже поскорее хотелось лечь и, если бы не бюрократия, то он, наверное, уже бы давно лежал сейчас на койке и отдыхал. А может быть, решал бы свои делишки, коих накопилось тоже не мало.

— Вот, держите.

Она передала ему удостоверение. Феликс в секунду встал со стула и забрал паспорт в руки.

— Спасибо большое.

— Феликс! Ну у тебя родители и выдумщики, меня, кстати, Вероника Андреевна зовут.

— Приятно познакомиться. — слукавил он, ведь ему не хотелось знакомиться, а уж приятным это, он тем более не находил.

— Приятно, приятно. А оплачивать Вы как будете? Наличка? Карта?

Феликс помнил, что у него есть деньги и там и сям, а этот

вопрос, не зная суммы, которую надо было покрыть, очень сильно вогнал его в ступор. Он призадумался, открыл рот, чтобы уже точно что-то сказать, но не проронив ни слова, он закрыл глаза на несколько секунд.

— Наличными.

Далее он оплатил указанную сумму и принялся скидывать верхнюю одежду. Вероника Андреевна любезно помогла снять ему пиджак и аккуратно, словно это что-то ужасно дорогое, повесила в шкаф. Ботинки юноша снял, к счастью, сам и убрал из тоже самостоятельно. Его ноги быстро скользнули в бумажные тапки и он неспешно, на цыпочках, стараясь никого не разбудить, прошёл по коридору к двери, которая, собственно, вела в комнату с койками. Конечно, его смутила тишина, царившая здесь, ведь в его понимании, время было совсем детское. Но если уж куда-то жалобно подался, так будь добр соблюдать здешние правила, иначе никакой милости впредь не будет. Благо ему досталась нижняя капсула. Ему не надо будет лезть наверх, задевая своими ногами и грязными носками других людей, ну, досаждать им. Потому он относительно тихо достал убранные в ящик постельные принадлежности, отдернул штору своей капсулы — это была деревянная коробка, больше смахивающая на гроб, два метра в длину и метр в ширину — и принялся стелить всё. Сумку же он решил закинуть туда же в капсулу, несмотря на предложение убрать её в ящик. Не доверял

он тут никому, да и эти шторы, за которыми покоятся люди, не вызывали чувства доверия. Ему просто хотелось поскорее прыгнуть внутрь и отдохнуть после долгой поездки. Наконец-то, спустя минут пять, не более, он мог залезть внутрь и задернуть штору, чтобы никто за ним не поглядывал. Белый свет над кроватью лампочки он выключать не стал, как и не стал раздеваться до трусов. Он, конечно, попытался сначала скинуть брюки, но брэнчание ремня его вовремя остановило. Так он и улёгся. Словом, ему было уютно и, кто бы что не говорил, достаточно просторно, как будто большего и не надо было. Всё компактно, а главное, рационально. Как бы, если ты знаешь на что идёшь (а он знал и трезво оценивал подобное место), то явно будешь этим довольствоваться. Он бы мог снять отель, отдельную комнату, где мог бы расположиться со всеми благами человечества, но зачем ему такое нескромное удовольствие, к тому же, дорогое, ибо в сравнении с этим местом, все другие были раза в три или четыре дороже.

Однако, факт остаётся фактом, он был никому не нужен. Вот, что было у него за душой. Он лежал и смотрел в потолок, не мог уснуть, даже когда выключил лампу. Всё ему показалось тупым. Ничего не могло его радовать. Вероника Андреевна? Да, конечно, он у неё стал протеже, но скорее не потому, что она делала это для него, а потом, что она хотела отблагодарить того молодого человека, который когда-то там ей помог. А по сей, Феликс был для неё скорее ненуж-

ной формальностью, чем человеком. Мама, Женя Б.? Нет, ей он тоже был не нужен. Через призму Феликса она хотела показать окружающим её людям (?) то, что она вполне крутая мать, раз смогла воспитать такого сына. Короче, для неё это было больше самовосхвалением. Отец? Не смешите подковы! Он никогда не переживал, он-то и за человека Феликса не считал. Так что, свернувшись комочком и накрывшись пледом, именно пледом, а не пледиком, юноша повернулся к стенке капсулы и смотрел в одну и ту же точку, пока первый зевок, а потом и следующий, не привили ему сонливость. В некотором смысле, он был настолько запарен, что отдыхать ему вовсе и не хотелось. А время-то бежало, и если он об этом не знал точно, то наверняка догадывался. Бессоница его нагнала и застала врасплох. Ему ничего не оставалось делать. Он даже хотел было сходить в туалет по самым маленьким нуждам, но отказался от этой идеи, потому как боялся разбудить уже дрыхнувших людей. И как он не пытался отвлечься от всех своих гадких мыслей, уснуть он не мог. Переворачивался на бок, подтягивал ноги ближе к себе, клал руку под подушку, менял позу и только к четвертому часу ночи, он наконец смог улечься правильно и уснуть. Но едкие чувства даже так его не отпускали.

III

Утром Феликс едва ли соображал. Это и не было для него утром. Он лениво приподнялся на локти и стукнулся головой об потолок, то есть верхнюю капсулу. Сразу слёг обратно и принялся гладить место удара. Вообще, вставать ему не хотелось, но надо было. Всё это, конечно, тяготило его. Он глянул на экран телефона, чтобы увидеть время, а попутно проверить, позвонил ли ему кто-нибудь? Нет, впрочем, именно сейчас ему на это было особенно наплевать, сейчас ему надо было сходить в уборную, куда ночью он не отважился зайти. Он задёрнул штору и надел бумажные тапки. Сам он боялся этой гнетущей атмосферы, потому что все шторы были задвинуты, тапок не было, но он не понимал, был ли он тут один, или кто-то, может быть, следил за ним, хотя слежка волновала его в самой меньшей степени. Просто сам факт того, что тут слишком неестественно настораживал его. Но он поднялся с кровати и сделал первые свои шаги, стараясь не подать виду. И, если быть не совсем предвзятым, то у него это получилось. Он шаркал по кафелю, держался за спину и переваливался при каждом другом шаге. Но ничего этого, в сущности, у него не было. Как только он вышел из комнаты, — дверь была схожа с балконной, а потому ручка крутилась во все стороны — увидел Веронику (как её там?) Андреевну, которая с большим удовольствием

общалась с мужчиной. Мужчина был, на удивление, странным типом: имея столь брутальную внешность, он не представлял никакой угрозы, даже как-то и чем-то располагал к себе. И в сравнении с Вероникой Андреевной, которая брала своей открытостью, то мужчина ничего не брал, скорее предлагал свое спокойствие. Короче, Феликс не шибко-то и парился, что администратор нашла себе объект для разговоров, главное, что она не сыпала самого юношу вопросами и ненужными словами, которые ему были так противны. По крайней мере в данную минуту. Он щелкнул тумблер и вошёл в уборную, где одиноко стоял унитаз и приклеена распечатка, гласящая: «**Курить в туалете запрещено** правилами проживания!!! При выявлении данного факта, выселение без возврата денежных средств; Просьба! Вне зависимости от поставленных целей и достигнутых результатов, **СМЫВАЙТЕ ЗА СОБОЙ!** Если достигнутые результаты превзошли все ожидания, просьба воспользоваться ёршиком и туалетной бумагой! Уважайте труд персонала!; Для уничтожения туалетной бумаги и средств личной гигиены используйте **мусорное ведро!**». Всё это позабавило юношу, даже в некотором смысле обрадовало, что с юмором тут полный порядок. Но как только он закончил дела и помыл руки, его это наскучило и он снова потускнел. Скажем, это была мимолётная радость, кои встречаются нам на протяжении целого дня, так что ничего удивительного в этом нет. Он вернулся в свою капсулу, уже не пытаясь скрыться от кого-либо.

По сути, ему оставалось только собраться, ведь времени было уже одиннадцать, а выселение по объявленным условиям происходило не позже двенадцати. Так что он решил на скорую руку собрать вещи, отнести спальное бельё в стирку, там же расположена душевая кабинка, которая хоть и выглядит такой себе, но тем не менее по заносам отвечает, где Феликс быстро ополснётся и умоется. Грубо говоря, он сейчас был в порыве самого настоящего прилива сил, неизвестно почему так, но всё-таки он воцарился над этим миром, как бы взял бразды правления в свои руки и со всей холодностью готов управлять им. Наверное, эта ночлежка в силу своих услуг предстала перед ним на коленях, он подумал, что заслуживает немного лучшего. Но это всё быстро разбилось. Это мигом превратилось из уверенности в хрупкое чувство безнадёжности. Чья-то рука коснулась его плеча и так вцепилась, словно готова была повалить его. И только то, что он был в расцвете сил его удержало. Он обернулся и увидел того мужика, который о чём-то беседовал с Вероникой Андреевной.

— Ты голодный?

— Не особо. Я тут делом занимаюсь и скоро мне уже надо будет выселиться. — негодовал юноша, — Давайте отложим этот диалог на потом?

— А ты куда-то торопишься?

— Я же говорю, выселение! — Феликс был явно раздражён упрямостью мужика и никак не скрывал это.

— Хорошо-хорошо. — залепетал тот, — Я буду ждать в

холле.

Феликс кивнул, хоть и не совсем соглашался с тем, что его будут ожидать. Да и вообще, почему именно к нему обратился этот странный мужчина. Уж теперь-то он точно не казался таким облачным, каким его застали там. Молодой человек собрал все в единый комок и направился в ванную комнату к стиральным машинам, но если в первый раз он боялся, что начнутся какие-то бредовые рассказы, которые никак не всрались, то сейчас его страхи сконцентрировались в том, что рассказ будет неизвестным. Это нисколько не уменьшает его бредовости, наверное, но опять-таки, на кой чёрт ему с ним говорить? Да и что за странный предлог «не голодный?». Конечно, голодный, но, чтобы поесть надо что-то купить, а чтобы купить, надо что-то иметь. Феликс же не имел ничего. Он вышел из комнаты с капсулами, стараясь не смотреть ни на кого, словно их не было, также, как и его. Но ошибся, или сказать точнее, не до конца был верен тому, что выдумал. Вероника Андреевна почти что исподтишка, таков был у неё характер, напала на молодого человека вопросами.

— А это Вы стирать идёте? — Феликс одобрительно кивнул, — Да бросьте! Не утруждайте себя, я сама потом всё загружу. Кстати, ты сегодня вернешься? — переменила она тон, вспомнив, что можно и на ты, — Просто, чтобы понимать оставить ли эту койку. Как спалось, кстати?

— Неплохо.

— Отлично!! — загоготала она, да и еще подошла к юно-

ше совершенно на недопустимое для него расстояние, — Тогда жду тебя сегодня же!

Феликс что-то там пробормотал себе под нос и двинулся дальше. Его пробило такое ощущение, словно его только что изнасиловали, но при этом отпустили, как только он сказал «нет». Конечно, после таких припадков непрощенного дружелюбия Вероники Андреевны он не особо-то хотел появляться тут вновь, но выхода нет. Жалко только то, что ему никак не сменить обстановку. Справедливости ради, Вероника Андреевна, в сущности, хороший человек, который напоролся на плохого, вернее, ненужного и самобытного человека. Феликс давно уже принял этот удар мира прямо в подбородок, а потому, не желал допустить подобное вновь.

В ванной комнате юноша нашёл общий шампунь и гель для тела и, так как он не думал об этом при сборе, решил использовать то, что есть. Да и какая ему разница? Уж кого-кого, а его это должно беспокоить в последнюю очередь. Он скинул верхнюю одежду на корзину для белья и начал настраивать душ, но после пары-тройки неудачных попыток, оставил это дело и, согласившись с самим собой, встал под холодную струю душевой кабинки. Как оказалось, он провёл там значительно больше времени, чем предполагал и мог. Что он там делал? Минут тридцать он непоколебимо думал и размышлял, натирая тело холодной водой, он сам был уже холодным ко всему, может противился всему здешнему быту и в назидание матери рассуждал о деньгах. Нет, в голове у

него был чёрный круг, тысячу раз перечеркнутый. Ему хотелось скривиться от боли, смыться вместе с водой, но ничего такого он предпринять чисто физически не мог. А за пять минут он помылся, намылил голову, смыл всё и вышел из душевой. Взял полотенце (первое попавшееся под руку, так как своё он, к сожалению, скинул куда-то на пол) и высушил голову и тело. У него оставалось еще четверть часа, потому он не торопился.

Когда он уже уходил, Вероника Андреевна не поскупилась на прощание. Он сдал ей ключи от ящичка и хотел было уже уйти, как вдруг она ни с того ни с сего умозаклучила:

— Ты куда?

«Что значит „ты куда?“? Вам какое дело? Может быть, я сейчас пойду в администрацию города и начну подписывать какие-то важные бумаги. Не проще ли просто оставить меня со своими допросами? Кто я такой, в конце концов, чтобы вам тут отвечать на все ваши терзания?»

— Наверное, пойду в центр, а там, глядишь, что-нибудь поделаю.

— А пить ты не будешь?

— Не буду.

— Ну хорошо, а то мы таких сразу, — глаза у неё в этот миг загорелись, — хватать и на улицу выставляем.

— Буду иметь ввиду. — проронил Феликс и нажал на кнопку, открывающую дверь.

О том мужике он не вспомнил, но ему и не очень-то хотелось. Он был всё же странным: Круглолицый, широкоплечий, так еще и бородкой. Именно после того внезапного разговора он стал невероятно отталкивающим. И наконец свежий воздух. Вот, что беспокоило Феликса, вот, почему он не мог уснуть сегодня! (Так думал он) Нехватка свежего воздуха! Очевидно! Очевидно! Улица встретила юношу во всех отношениях по-доброму. Тем, что не трепала его, не задавала лишних вопросов. И быть может, ему бы и хотелось толково посидеть и поговорить, что с мужиком, что с Вероникой Андреевной, но он был не в том духе и не привык к таким резким переменам. «Ну как это, так вот взять и резко заговорить с человеком, будто он твой давний знакомый, который, конечно, сильно изменился, но черты лица сохранились, характер заточился, но остались узнаваемые нотки?» Улица давала широкие возможности движения, глубокие просторы для всяких дум. Феликс ободрился, вероятно, продолжив свои душевые мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.